ЭКОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА 15.11.2023 | Нуриэль Рубини

Экономические последствия войны в Газе

Четыре геополитических сценария, влияющих на мировую экономику и рынки. Нынешний оптимизм может оказаться ошибочным.

Варварская расправа ХАМАС над по меньшей мере 1400 израильтянами 7 октября и последующая военная кампания Израиля в Газе по уничтожению этой группировки привели к появлению четырех геополитических сценариев, влияющих на мировую экономику и рынки. Как это часто бывает при подобных потрясениях, оптимизм может оказаться ошибочным.

По первому сценарию, война по-прежнему ограничивается сектором Газа, а региональная эскалация не выходит за рамки мелких стычек с иранскими прокси в соседних с Израилем странах; более того, большинство игроков предпочитают избегать региональной эскалации. Кампания Армии обороны Израиля в секторе Газа наносит мощный ущерб ХАМАС, что приводит к значительному количеству жертв среди гражданского населения, и сохранению нестабильного геополитического статус-кво. Потеряв всякую поддержку, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху покидает свой пост, но израильское общественное мнение по-прежнему настроено против принятия решения о создании двух государств. Соответственно, палестинский вопрос обостряется; нормализация дипломатических отношений с Саудовской Аравией заморожена; Иран остается дестабилизирующей силой в регионе; а Соединенные Штаты по-прежнему обеспокоены новой вспышкой напряженности.

Экономические и рыночные последствия этого сценария достаточно умеренные. Нынешний скромный рост цен на нефть замедлится, поскольку не будет никакого шока для региональной добычи и экспорта из Персидского залива. Хотя США могут попытаться воспрепятствовать экспорту иранской нефти, чтобы наказать его за дестабилизирующую роль в регионе, они вряд ли пойдут на такую эскалационную меру. В условиях действующих санкций экономика

Ирана будет продолжать стагнировать, что усилит его зависимость от тесных связей с Китаем и Россией.

Между тем, Израиль столкнется с серьезной, но управляемой рецессией, а Европа испытает некоторый негативный эффект, поскольку умеренный рост цен на нефть и вызванная войной неопределенность, подорвут доверие бизнеса и домохозяйств. Сокращение объемов производства, расходов и занятости может привести к тому, что стагнирующая европейская экономика перейдет в состояние легкой рецессии.

По второму сценарию, после войны в Газе наступит мир и нормализация обстановки в регионе. Израильская кампания против ХАМАС проходит успешно, не приводя к большим жертвам среди гражданского населения, и более умеренные силы – такие как Палестинская автономия или Арабская многонациональная коалиция – захватывают управление анклавом. Нетаньяху уходит в отставку (потеряв поддержку практически всех), и новое умеренное правоцентристское или левоцентристское правительство сосредоточивается на решении палестинского вопроса и обеспечении нормализации отношений с Саудовской Аравией.

На данный момент рынки оцениваются почти идеально и отдают предпочтение самым мягким сценариям

В отличие от Нетаньяху, это новое израильское правительство не будет открыто стремиться к смене режима в Иране. Оно могло бы добиться молчаливого согласия Исламской Республики на нормализацию отношений между Израилем и Саудовской Аравией в обмен на новые переговоры по ядерному соглашению, предусматривающему ослабление санкций. Это позволило бы Ирану сосредоточиться на крайне необходимых внутренних экономических реформах. Очевидно, что этот сценарий имел бы очень позитивные экономические последствия, как в регионе, так и на глобальном уровне.

В третьем сценарии ситуация перерастает в региональный конфликт, в который также вовлечена Хезболла в Ливане и, возможно, в Иране. Это может произойти несколькими способами. Иран, опасаясь последствий ликвидации ХАМАС, натравливает Хезболлу на Израиль, чтобы отвлечь его от операции в секторе Газа. Либо Израиль решит устранить этот риск, нанеся более масштабный упреждающий удар по Хезболле. Кроме того, остаются другие

иранские прокси в Сирии, Ираке и Йемене. Каждый из них стремится спровоцировать военные силы Израиля и США в регионе в рамках своей собственной дестабилизирующей программы.

Если между Израилем и Хезболлой начнется полномасштабная война, Израиль, вероятно, также нанесет удары по иранским ядерным и другим объектам, скорее всего, при логистической поддержке США. В конце концов, Иран, который выделил огромные ресурсы на вооружение и обучение как ХАМАС, так и Хезболлы, вероятнее всего, воспользуется более масштабным региональным хаосом, чтобы сделать последний рывок в создании ядерного оружия.

Если Израиль – и, возможно, США – разбомбят Иран, производство и экспорт энергоносителей из Персидского залива будут отброшены назад, возможно, на месяцы. Это спровоцирует нефтяной шок в стиле 1970-х годов, за которым последует глобальная стагфляция (рост инфляции и замедление экономического роста), крах фондовых рынков, волатильность доходности облигаций и спрос на безопасные активы, такие как золото. В Китае и Европе экономические последствия будут наиболее серьезными, чем в США, которые в настоящее время являются нетто-экспортером энергии и могут облагать налогом непредвиденные прибыли отечественных производителей энергии, чтобы оплатить субсидии для ограничения негативного воздействия на потребителей (домохозяйства и неэнергетические компании).

Наконец, по этому сценарию иранский режим остается у власти, поскольку многие иранцы – даже противники режима – сплотились вокруг него перед лицом атаки Израиля и США. Все стороны в регионе становятся более радикальными и конфронтационными, что делает мир или дипломатическую нормализацию несбыточной мечтой. Этот сценарий может даже обречь на провал президентство Байдена и его шансы на переизбрание.

Совокупная вероятность глобального деструктивного сценария составляет 85 процентов

В четвертом сценарии конфликт также распространяется по всему региону, но в Иране происходит смена режима. Если Израиль и США все-таки атакуют Иран, они нанесут удар не только по ядерным объектам, но и по военной инфраструктуре и инфраструктуре двойного назначения, а также по лидерам режима. Вместо того, чтобы поддерживать режим, иранцы – которые уже больше года протестуют против

нарушений морали и нравственности со стороны полиции – могут сплотиться вокруг умеренных, таких как бывший президент Хасан Рухани.

Свержение Исламской Республики позволило бы Ирану воссоединиться с международным сообществом. В мире, по-прежнему, будет наблюдаться жесткая стагфляционная рецессия, но будет создана основа для укрепления стабильности и роста на Ближнем Востоке.

Насколько вероятен каждый из сценариев? Я бы выделил 50 процентов вероятности сохранения статус-кво; 15 процентов – установлению послевоенного мира, стабильности и прогресса; 30 процентов – региональному конфликту и только 5 процентов – региональному конфликту со счастливым концом.

Хорошая новость заключается в том, что существует относительно высокая вероятность – 65 процентов – того, что конфликт не будет разрастаться по всему региону, что означает, что экономические последствия будут мягкими или сдержанными. Однако плохая новость заключается в том, что в настоящее время рынки оценивают вероятность регионального конфликта, который приведет к серьезным стагфляционным последствиям во всем мире, в лучшем случае в 5 процентов, тогда как более разумная цифра составляет 35 процентов. Такая самоуспокоенность опасна, особенно если учесть, что совокупная вероятность глобального деструктивного сценария (первого, третьего и четвертого) по-прежнему составляет 85 процентов. Наиболее вероятный сценарий может иметь лишь умеренные краткосрочные последствия для рынков и мировой экономики, но он предполагает сохранение нестабильного статус-кво, что в итоге приведет к новым конфликтам. На данный момент рынки оцениваются почти идеально и отдают предпочтение самым мягким сценариям. Однако рынки зачастую неправильно оценивают крупные геополитические потрясения. Мы не должны удивляться, если это снова повторится.

(c) Project Syndicate 2023

Нуриэль Рубини

Нью-Йорк

Нуриэль Рубини (Nouriel Roubini) — профессор экономики Школы бизнеса Штерна при Нью-Йоркском университете и председатель Roubini Macro Associates, был старшим экономистом по международным делам в Совете экономических советников Белого дома в администрации Клинтона. Работал в Международном валютном фонде, Федеральной резервной системе США и Всемирном банке.